

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ПЕТУХОВА ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 43374/02)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

21 октября 2010

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

21/01/2011

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Может подвергаться редакторской правке.

По делу Петухова против Украины,

Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседаая в составе:

Пеер Лоренсен, *Председатель*,
Рената Яегер,
Рейт Марусте,
Изабель Берро-Лефевр,
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Здравка Калайджиева,
Ганна Юдкивська, *судьи*,

и Клаудия Вестердийк, *Секретарь секции*,

Рассмотрев дело в закрытом заседании 28 сентября 2010 г.,

Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№ 43374/02) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») украинским гражданином, г-ном Владимиром Сергеевичем Петуховым (далее – «заявитель»), 12 ноября 2002 года.

2. Заявитель, которому была оказана правовая помощь, был представлен г-жой Ириной Бойковой и г-жой Людмилой Панкратовой, адвокатами, практикующими в Киеве. Украинское правительство (далее – «Правительство») было представлено своим уполномоченным, г-ном Ю. Зайцевым, Министерство юстиции Украины.

3. Заявитель утверждал, в частности, в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции, что его лечение под стражей не было адекватным, и что ему не были доступны эффективные средства правовой защиты в отношении этой жалобы. Он также утверждал, в соответствии со статьей 5 §§ 1 и 3 и статьей 6 § 1 Конвенции, что его содержание под стражей было незаконным и слишком длительным, и что производство по поводу его содержания под стражей было слишком длительным и несправедливым. Наконец, заявитель жаловался, в соответствии со статьями 6 § 1 и 13 Конвенции на длительность уголовного производства и отсутствие эффективных средств правовой защиты в отношении этой жалобы.

4. 6 ноября 2008 года Председатель Пятой Секции постановил уведомить Правительство о данном заявлении. Суд также постановил принять решение о приемлемости заявления одновременно с его рассмотрением по существу (статья 29).

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель родился в 1973 году и в настоящее время отбывает пожизненное заключение в Сокальской исправительной колонии № 47.

А. Уголовное производство против заявителя

6. 6 июня 2001 сотрудники Коминтерновского РУВД г. Харькова, действуя на основании информации, полученной из неизвестного источника, задержали заявителя по подозрению в убийстве и грабеже. Заявитель утверждал, что он был арестован на день раньше, 5 июня 2001 года.

7. 8 июня 2001 года заявитель был допрошен. Он указал, что не нуждается в услугах адвоката.

8. 9 июня 2001 года заявитель был доставлен в Киев, где он был помещен в Минский районный изолятор временного содержания.

9. 12 июня 2001 года прокуратура Минского района г. Киева заключила заявителя под стражу на том основании, что заявитель мог скрыться и воспрепятствовать правосудию.

10. 21 июня 2001 года против заявителя были выдвинуты официальные обвинения в убийстве и покушении на убийство, покушении на убийство сотрудников милиции при исполнении служебных обязанностей, грабеже и участии в организованной группировке. При допросе в тот же день в присутствии адвоката, заявитель признался в этих преступлениях.

11. 2 августа 2001 года Минский районный суд г. Киева продлил досудебное содержание заявителя под стражей на максимальный срок четыре месяца, поскольку «это было необходимо для проведения крупномасштабного расследования».

12. 5 октября 2001 года Киевский городской апелляционный суд (далее – «Апелляционный суд») постановил продлить срок его предварительного заключения до 8 декабря 2001 с учетом «информации о личности заявителя» и тяжести обвинения.

13. 29 ноября 2001 года следователь объявил предварительное следствие заверченным и предоставил заявителю и его адвокату доступ к материалам дела, изучение которых они закончили 30 октября 2002 года.

14. 9 декабря 2002 года, в ходе предварительных слушаний, в которых приняли участие заявитель и его адвокат, Апелляционный суд постановил, что дело не готово для рассмотрения по существу и постановил передать его в прокуратуру для дальнейшего расследования. Он также постановил, что заявитель должен оставаться под стражей до суда, так как в случае освобождения он может воспрепятствовать отправлению правосудия.

15. 24 апреля 2003 года, после слушаний с участием адвоката заявителя, Верховный Суд Украины оставил в силе решение от 9 декабря 2002 года в его основных моментах, и решил, что заявитель должен оставаться под стражей до суда, так как в случае освобождения он может воспрепятствовать отправлению правосудия.

16. 19 июня 2003 года материалы дела заявителя прибыли из Верховного Суда в прокуратуру Оболонского района г. Киева.

17. 18 июля 2003 года Апелляционный суд рассмотрел представление прокуратуры о продлении предварительного заключения заявителя. Адвокат заявителя присутствовала на этом заседании и подала безрезультатное ходатайство об освобождении ее клиента. Апелляционный суд постановил продлить предварительное заключение заявителя на максимальный срок девять месяцев (согласно соответствующим правовым нормам, действовавшим на тот момент, сроки содержания под стражей до суда применялись лишь ко времени расследования дела; время, когда дело находилось в суде, время изучения дела обвиняемым и т.п. не принималось во внимание). При этом суд сослался на сложность дела, тяжесть преступлений, в которых обвинялся заявитель, его личность и то, что в случае освобождения он может воспрепятствовать отправлению правосудия.

18. 26 августа 2003 года дополнительное расследование было завершено, и на следующий день заявителю и его адвокату был предоставлен доступ к материалам дела.

19. 17 сентября 2003 года Верховный Суд Украины, по представлению прокурора Оболонского района Киева, продлил срок досудебного содержания заявителя под стражей на максимальный срок двенадцать месяцев. Суд обосновал это решение серьезностью обвинений.

20. 18 декабря 2003 года Верховный Суд Украины удовлетворил представление прокуратуры о продлении досудебного содержания заявителя под стражей до 19 марта 2004 года.

21. 16 марта 2004 года срок досудебного содержания заявителя под стражей был продлен Верховным Судом Украины до 19 мая 2004 года. Суд принял это решение на основании серьезности выдвинутых против заявителя обвинений. В этом решении Верховный Суд не рассматривал ходатайство адвоката заявителя об освобождении ее клиента по причинам медицинского характера.

22. 18 мая 2004 года Верховный Суд Украины отклонил ходатайство обвинения о дальнейшем продлении срока досудебного содержания заявителя под стражей. Верховный Суд постановил, что, хотя обвиняемый изучил двенадцать томов материалов дела с 27 августа 2003 года и должен был изучить еще около десяти томов, не было никаких признаков того, что обвиняемый намеренно затягивал производство. По мнению суда, материалы дела не были должным образом организованы (в двух томах не было перечня документов, а страницы были пронумерованы карандашом). Таким образом, Верховный Суд пришел к выводу, что следственные органы не смогли должным образом подготовить материалы настоящего дела, и нет никаких оснований для продления срока содержания заявителя под стражей.

23. 19 мая 2004 года Генеральная Прокуратура Украины обратилась в Верховный Суд с представлением об исключительном пересмотре этого решения, учитывая, в частности, что это решение позволяло «лицу, совершившему тяжкие преступления, избежать изоляции от общества».

24. В тот же день дело заявителя было направлено в Апелляционный суд для рассмотрения по существу.

25. 20 мая 2004 года пять судей Верховного Суда подали представление об исключительном пересмотре решения от 18 мая 2004 года.

26. В ходе совместной сессии, состоявшейся 21 мая 2004 года, в которой участвовал прокурор, в отсутствие заявителя и его адвоката, с судьей П. в качестве судьи-докладчика, Судебная палата по уголовным делам и военная коллегия Верховного Суда отменили решение от 18 мая 2004 года на том основании, что мотивы для отклонения представления обвинения о продлении срока содержания заявителя под стражей были недостаточными и неуместными, и приняли решение о повторном рассмотрении. В частности, суд постановил, что следователь не может ограничить время изучения дела.

27. 24 мая 2004 года Верховный Суд удовлетворил представление прокуратуры о продлении предварительного заключения заявителя до 19 июня 2004 года, поскольку заявителю было необходимо дополнительное время для изучения дела. Суд не нашел причин для освобождения заявителя.

28. В неуказанный день дело было передано в суд для рассмотрения обвинений в отношении заявителя.

29. 3 декабря 2004 года Апелляционный суд признал заявителя виновным и приговорил его к пожизненному заключению. Осуждение заявителя было основано на его начальных признаниях, большом количестве различных доказательств, а также показаниях одиннадцати свидетелей и десяти потерпевших. Трое его сообщников были приговорены к различным срокам лишения свободы. Заявитель подал апелляцию.

30. 24 мая 2005 года трое судей Верховного Суда, в том числе судья П., оставили в силе это решение.

31. 30 мая 2007 года Верховный Суд отклонил ходатайство заявителя об исключительном пересмотре его дела.

32. Между 2005 и 2007 годами заявитель подавал иски против судей Апелляционного суда, жалуясь на различные процедурные нарушения в ходе рассмотрения его уголовного дела. Все его жалобы и последующие апелляции были отклонены, так как заявитель должен был подавать эти жалобы в ходе рассмотрения его дела, а не в рамках отдельного производства.

В. Условия содержания заявителя под стражей

33. До ареста заявитель страдал от ограниченной подвижности, вызванной множественными переломами левого бедра в результате огнестрельного ранения. Ему установили металлическую пластину, но она сместилась, что вызвало деформацию кости. Как следствие, левая нога заявителя была на 3 см короче, чем правая, и он страдал от болей в левой ноге. Согласно справке, выданной Ялтинской городской больницей 10 января 2002 года, заявитель проходил лечение в стационаре с 27 по 12 декабря 2000 г. в связи с переломом левого бедра, и была необходима еще одна операция и стационарное лечение.

34. 8 августа 2001 года заявитель был переведен из изолятора временного содержания, где он находился с июня 2001 года, в Киевский следственный изолятор № 13 (далее – «СИЗО № 13»).

35. По прибытии, заявитель был осмотрен врачом. Флюорография грудной клетки, проведенная 7 августа 2001 года, не выявила никаких нарушений в легких заявителя.

36. По словам заявителя, с момента его прибытия и до 1 апреля 2003 года он содержался в условиях строгого режима. В частности, ему разрешалось покидать свою камеру только в наручниках и в сопровождении двух охранников со служебной собакой. Он также находился в металлической клетке во время встреч с адвокатом и бесед со следователем.

37. 16 января 2002 года заявитель был наказан за неуказанное нарушение, и провел пять дней в карцере. В результате этого наказания он простудился, и, по словам заявителя, не получал никакого лечения.

38. 31 января 2002 года адвокат заявителя попросил хирурга поликлиники № 3 Соломянского района Киева высказать свое мнение по поводу ортопедических проблем заявителя. Хирург, осмотрев заявителя и изучив его медицинскую карту, обнаружил, что у заявителя были множественные переломы левого бедра, и он испытывал боль в связи с этими переломами. Заявитель нуждался в дальнейшем обследовании ортопедом и стационарном лечении в специализированной больнице. Заявителю также были необходимы костыли, ортопедическая обувь и сильные обезболивающие.

39. В марте 2002 года заявитель начал кашлять.

40. 21 и 22 августа 2002 года заявитель был осмотрен тюремными врачами и ему был поставлен диагноз инфильтративный туберкулез, плеврит и перелом левого бедра. 22 августа он был переведен в санчасть СИЗО № 13.

41. По данным Правительства, в период с 28 августа по 15 октября 2002 года заявитель отказался принимать лекарства, но не подписал соответствующего отказа.

42. В письме от 26 сентября 2002 года глава Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний заявил, что заявитель был помещен в карцер на 5 дней и переведен на строгий режим; он был в состоянии ходить без костылей и отказался от медицинской помощи.

43. Согласно отчету от 10 октября 2002 года, подписанному врачом Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний и врачом СИЗО, заявитель не жаловался на кашель между февралем и апрелем 2002 года. Заявитель имел специальную ортопедическую обувь, но, по заключению хирурга, ему были необходимы костыли и операция. Состояние заявителя было удовлетворительным. Ему были прописаны различные лекарства, но он принимал только одно из них, так как хотел получать лекарства из дома.

44. В ноябре 2002 года Киевский НИИ травматологии и ортопедии выдал справку, согласно которой заявитель не нуждался в операции. Справка была подписана старшим научным сотрудником.

45. По словам заявителя, 10 декабря 2002 года он вновь был наказан пятью днями содержания в карцере. Так как температура там была ниже, а влажность выше, чем в медицинских палатах, состояние здоровья заявителя значительно ухудшилось.

46. Правительство утверждало, что в период с 12 марта по 28 апреля 2003 года заявитель вновь отказывался принимать лекарства.

47. В октябре 2003 года заявитель был осмотрен главой кафедры ортопедии Киевской медицинской академии последипломного образования, который, в своем заключении от 10 октября 2003 года, указал, что перелом левого бедра заявителя требует стационарного лечения в специализированной больнице.

48. В 18 ноября 2003 состояние здоровья заявителя ухудшилось. Он дважды проходил флюорографическое обследование, и лекарства вводились непосредственно в плевральную полость. 18 декабря 2003 года заявитель был осмотрен профессором-фтизиатром П., который назначил ему дальнейшее лечение.

49. В январе 2004 туберкулез заявителя усугубился пиопневмотораксом (скоплением гноя в плевральной полости), из-за чего он был переведен в Институт фтизиатрии и пульмонологии (далее – «Институт») 4 февраля 2004 года.

50. 5 февраля 2004 года администрация СИЗО № 13 попросила следователя по делу заявителя рассмотреть возможность освобождения заявителя, ссылаясь, в частности, на то, что его состояние требует длительного лечения в специализированном стационаре.

51. 21 февраля 2004 года прокурор Оболонского района Киева ответил, что содержание заявителя под стражей было продлено Верховным Судом, и что нет никаких причин для изменения этого решения.

52. 9 марта 2004 года заявитель был переведен из Института в СИЗО № 13. По словам заявителя, поскольку его лечение в институте не было закончено, в его легких все еще находились трубки для отвода гноя и дальнейшего лечения антибиотиками. Он не получал никакого лечения в СИЗО, и, так как места введения трубок воспалились, заявитель вынужден был удалить трубки самостоятельно.

53. Согласно письму, полученному в ответ на запрос адвоката заявителя о предоставлении информации от 11 марта 2004 года и подписанному главным врачом Института, руководителем соответствующего отделения и лечащим врачом в Институте, лечение заявителя состояло в плевральном дренаже и введении антибиотиков, параллельно с интенсивным противотуберкулезным лечением. Это лечение необходимо было продолжать. Врачи знали об ортопедических проблемах заявителя, которые усугубляли его общее состояние, но это не влияло на его лечение туберкулеза.

54. 24 марта 2004 года адвокат заявителя подал запрос о получении медицинских свидетельств для оценки возможности содержания заявителя под стражей в СИЗО № 13.

55. В докладе от 19 апреля 2004 коллегия в составе пяти экспертов из Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного управления здравоохранения Киевской городской государственной администрации установила, что заявитель перенес сложный перелом

левого бедра, что привело к существенной деформации левой ноги и вызвало ограниченную подвижность и сильную боль. Упорное нежелание тюремных властей учитывать это состояние и вызванное им снижение иммунитета, возможно, стало причиной заражения заявителя туберкулезом. Эксперты решили, что заявителю требуется специализированное стационарное лечение, которое не может быть обеспечено в санчасти СИЗО № 13.

56. 27 июля 2004 года врач Института травматологии и ортопедии Академии медицинских наук Украины пришел к выводу, что заявитель «не может подвергнуться операции на левом бедре».

57. В период с июля 2004 года по январь 2005 года заявитель дважды проходил флюорографическое обследование и дважды был осмотрен профессором фтизиатрии П.

58. 8 октября 2004 года, после запроса суда, администрация СИЗО выдала справку о том, что заявитель страдает хроническим туберкулезом и другими заболеваниями, но состояние его здоровья является удовлетворительным, и он может принимать участие в судебных заседаниях.

59. 2 декабря 2004 года заявитель подал иск в Шевченковский районный суд г. Киева против начальника СИЗО № 13 и начальника санчасти СИЗО, в котором он требовал перевода в специализированную больницу и жаловался, что информация, содержащаяся в справке от 8 октября 2004 года, является неправдивой.

60. 11 февраля 2005 года суд отклонил жалобы заявителя. В частности, суд установил, что данная справка была принята Апелляционным судом и присоединена к материалам уголовного дела заявителя, следовательно, нет никаких оснований подвергать сомнению ее правдивость. Кроме того, суд установил, что заявитель получал необходимую медицинскую помощь в СИЗО. Это решение не было обжаловано заявителем.

61. По утверждению Правительства, заявитель четыре раза отказывался пройти медицинское обследование в период с января по июль 2005 года. Соответствующие отказы были подписаны врачами СИЗО, но не заявителем.

62. 4 июля 2005 года у заявителя был диагностирован плевропневмонический цирроз, вызванный цирротическим туберкулезом.

63. 1 ноября 2005 года, после того, как приговор в отношении заявителя был оставлен в силе Верховным Судом, он был переведен из СИЗО № 13 в Замковую исправительную колонию № 58 для отбывания тюремного заключения.

64. В неустановленный день заявитель был переведен в Сокальскую исправительную колонию № 47.

65. 9 февраля 2006 года заявитель перенес операцию на левой ноге.

66. Согласно документам, предоставленным адвокатами заявителя (письма от Украинского-американского бюро по защите прав человека и из Сокальской

исправительной колонии № 47), он все еще страдает фиброкавернозным туберкулезом правого легкого.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Конституция Украины 1996 г.

67. Соответствующие положения Конституции Украины гласят:

Статья 55

«Права и свободы человека и гражданина защищаются судом.

Каждому гарантируется право на обжалование в суде решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц.

Каждый имеет право любыми не запрещенными законом средствами защищать свои права и свободы от нарушений и противоправных посягательств».

В. Уголовно-процессуальный Кодекс

68. В соответствии со статьей 165-3 Уголовно-процессуального кодекса, решения судьи Верховного Суда Украины о содержании под стражей не подлежат обжалованию.

69. Другие соответствующие положения Кодекса приведены в решениях по делам *Nevmerzhitsky v. Ukraine* (no. 54825/00, § 54, ECHR 2005-II (extracts)), и *Solovey and Zozulya v. Ukraine* (nos. 40774/02 and 4048/03, § 43, 27 November 2008).

70. 3 апреля 2003 года в статьи 156 и 218 Кодекса были внесены изменения. В соответствии с этими новыми правилами, доступ к материалам дела должен быть предоставлен задержанному обвиняемому по крайней мере за месяц до истечения санкционированного срока содержания под стражей. Если месяца оказывается недостаточно для ознакомления обвиняемого с материалами дела, следователь может подать в соответствующий апелляционный суд представление, предварительно согласованное с Генеральным прокурором, о продлении срока содержания обвиняемого под стражей. Время ознакомления обвиняемого и его адвоката с материалами уголовного дела не может быть ограничено.

С. Соответствующие международные документы, касающиеся медицинской помощи в заключении

1. Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания («КПП»)

71. В отношении туберкулеза, доклад Комитета по предупреждению пыток о его визите в Украину в 2005 году (CPT/Inf (2007) 22) гласит:

«58. Наблюдения делегации относительно туберкулеза также вызывают серьезное беспокойство. Часто наблюдались значительные задержки при обследовании на туберкулез. [...]

... Комитет рекомендует украинским властям обеспечить:

- раннее и эффективное обследование на туберкулез всех лиц, задержанных милицией;
- непрерываемое лечение лиц, которые принимали противотуберкулезные лекарства до задержания».

72. Другие соответствующие международные доклады и другие материалы, касающиеся лечения туберкулеза в украинских пенитенциарных учреждениях, можно найти в решении от 28 марта 2006 года по делу *Melnik v. Ukraine* (№ 72286/01, §§ 47-53) и в решении от 19 февраля 2009 года по делу *Malenko v. Ukraine* (№ 18660/03, § 28-30).

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

73. Заявитель жаловался, в соответствии со статьей 3 Конвенции, что он подвергся бесчеловечному обращению по причине отсутствия надлежащей медицинской помощи во время его содержания под стражей в СИЗО № 13. Он также жаловался на отсутствие эффективных средств правовой защиты в этом отношении. Эти статьи гласят:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Приемлемость

74. Правительство утверждало, что заявитель не исчерпал эффективные внутренние средства правовой защиты в отношении его жалобы на отсутствие адекватной медицинской помощи в заключении. Ссылаясь на статью 55 Конституции Украины, Правительство указало, что любые решения, действия или бездействие государственных органов могут быть оспорены в суде. Хотя заявитель подал иск против администрации СИЗО, он не обжаловал решение суда от 11 февраля 2005 года. Кроме того, Правительство утверждает, что подача иска о выплате компенсации является эффективным средством, которое заявитель должен был исчерпать. В поддержку этого заявления, Правительство представило копию решения суда от 4 февраля 2009 года по делу *К. и Б. против СИЗО № 13*. Дочь и мать истцов умерла в указанном СИЗО из-за отсутствия медицинской помощи. Суд постановил выплатить истцам 25000¹ украинских гривен каждому в качестве компенсации морального ущерба.

75. Заявитель утверждал, что он исчерпал все доступные средства правовой защиты, которые оказались неэффективными. Заявитель утверждал, что законы Украины и практика национальных судов не гарантируют какой-либо компенсации или эффективной защиты в случае отсутствия надлежащей медицинской помощи в заключении.

76. Суд отмечает, что он уже рассматривал аналогичные возражения Правительства в ряде случаев (см. *Koval v. Ukraine* (dec.), no. 65550/01, 30 March 2004, и *Mikhaniv v. Ukraine* (dec.), no. 75522/01, 20 May 2008). В частности, в деле *Mikhaniv v. Ukraine* Суд установил, что, в отсутствие каких-либо примеров из внутренней судебной практики, которые бы показывали, что гражданские и/или административные дела, возбужденные по искам заключенных, имеют шансы на успех, нельзя в достаточной мере установить, что обращение к средствам правовой защиты, предложенным Правительством, позволило бы заявителю получить возмещение в связи с его жалобами.

77. Суд отмечает, что в данном случае Правительство привело пример решения, в котором национальный суд присудил компенсацию за смерть в заключении дочери и матери истцов из-за отсутствия надлежащей медицинской помощи. Однако это решение было принято национальным судом после того, как этот Суд рассмотрел дело и признал нарушение статьи 2 Конвенции в связи с неспособностью властей защитить право дочери и матери истцов на жизнь (см. *Kats and Others v. Ukraine*, no. 29971/04, 18 December 2008). Таким образом, Суд не убежден, что этот единственный пример успешного судебного разбирательства в случае, когда нарушение было ранее признано этим Судом, может служить доказательством эффективности средств правовой защиты, предложенных Правительством.

78. Кроме того, Суд уже устанавливал, что проблемы, связанные с условиями содержания под стражей и отсутствием надлежащей медицинской помощи в украинских пенитенциарных учреждениях, имеют структурный характер (см. *Koval v. Ukraine*, упомянутое выше, § 96), и в этом отношении нет доступных эффективных средств правовой защиты (см. *Melnik v. Ukraine*, упомянутое выше, §§ 113-116). Суд не видит оснований отходить от этих выводов в данном случае, и, следовательно, считает, что данная жалоба не может быть отклонена из-за неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

79. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции, и не являются неприемлемыми и по другим основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо дела

1. Статья 3 Конвенции

(а) Аргументы Правительства

80. Правительство утверждало, что бремя доказывания в случаях, связанных с заявленным жестоким обращением или наказанием, несовместимым со статьей 3 Конвенции, лежит на заявителе; однако в данном случае заявитель не представил достаточных обоснований своих утверждений. По прибытии в СИЗО в августе 2001 года заявитель был осмотрен врачом, который признал его здоровым. Туберкулез был диагностирован у заявителя только через год, и до августа 2002 года он не жаловался на кашель или боли в груди. После того, как у заявителя был диагностирован туберкулез, он был немедленно переведен в специальное туберкулезное отделение СИЗО, где он находился до 13 ноября 2004 года.

81. Заявитель систематически проходил флюорографические обследования (23 ноября и 11 декабря 2003 года, 17 сентября 2004 года и 18 января 2005 года), осматривался фтизиатром СИЗО, и семь раз (в период с ноября 2002 года по август 2005 года) осматривался специалистами Института фтизиатрии. Заявитель получал необходимое лечение, назначенное фтизиатром. В период с 4 февраля по 9 марта 2004 года заявитель находился в специальном учреждении, и после выписки состояние его здоровья было удовлетворительным.

82. Кроме того, Правительство указало, что заявитель неоднократно отказывался от необходимого лечения. В периоды с 28 августа по 15 октября 2002 года, и с 12 марта по 28 апреля 2003 года заявитель отказывался от назначенного лечения. В 2005 году заявитель четыре раза отказывался пройти медицинское обследование. Таким образом, заявитель сам мешал медицинскому персоналу оказывать ему надлежащую медицинскую помощь.

83. Что касается травмы левой ноги заявителя, Правительство утверждало, что, в соответствии с заключением Киевского института травматологии, данным в ноябре 2002 года, заявитель не нуждался в операции. Ему давали необходимые обезболивающие средства, у него были специальные ботинки, и с августа 2003 года заявитель ходил с палкой. В соответствии с медицинским заключением этого же института, данным в июле 2004 года, ему было невозможно сделать операцию из-за туберкулеза. К августу 2005 года туберкулез заявителя был вылечен, и в феврале 2006 года ему была сделана операция на левой ноге.

84. Таким образом, Правительство пришло к выводу, что, находясь в заключении, заявитель получал все необходимое лечение.

(b) Аргументы заявителя

85. Заявитель утверждал, что некоторые медицинские документы, представленные Правительством, были фальсифицированы. Это касается его отказов от лечения и других документов, относящихся к периоду с 8 августа 2001 года по 20 августа 2002 года. Он никогда не носил какой-либо специальной обуви, как утверждает Правительство, и мог ходить с костылями только с июля 2003 года.

86. Заявитель отказывался принимать лекарства в период с сентября по октябрь 2002 года, поскольку лекарства, выдаваемые ему в СИЗО, были просроченными. Однако ему не разрешали получать лекарства от его адвоката, так как задержанным позволялось получать передачи только от родственников.

87. Далее заявитель ссылается на выводы Суда в деле *Koval v. Ukraine*, что проблемы, связанные с условиями содержания заявителя под стражей и отсутствием надлежащей медицинской помощи, явно имеют структурный характер. Условия содержания заявителя были аналогичны условиям, описанным в ряде дел против Украины (см. в частности, *Nevmerzhitsky v. Ukraine*, упомянутое выше, и *Melnik v. Ukraine*, упомянутое выше), а также в выводах КПП и Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека. Кроме того, в июле 2003 года один человек (также обвиняемый по делу заявителя) умер от туберкулеза в СИЗО № 13.

88. В заключение заявитель указал, что Правительство не представило каких-либо доказательств в обоснование своего заявления, что туберкулез заявителя был вылечен.

(с) Оценка Суда

89. Суд подчеркивал в ряде случаев, что здоровье заключенных должно надлежащим образом охраняться (см. Кудла see *Kudła v. Poland* [GC], no. 30210/96, § 94, ECHR 2000-XI). Однако Суд также указывал, что статья 3 Конвенции не может толковаться как гарантия оказания каждому заключенному медицинской помощи «на уровне лучших гражданских клиник» (см. *Mirilashvili v. Russia* (dec.), no. 6293/04, 10 July 2007). Кроме того, Суд признавал, что «в принципе, возможности медицинских учреждений в рамках пенитенциарной системы ограничены по сравнению с гражданскими клиниками» (см. *Grishin v. Russia*, no. 30983/02, § 76, 15 November 2007). В целом, Суд допускает достаточную гибкость при определении требуемых стандартов медицинской помощи в каждом конкретном случае. Эти стандарты должны быть «совместимы с человеческим достоинством» заключенного, но также должны учитывать «практические требования режима лишения свободы» (см. *Aleksanyan v. Russia*, no. 46468/06, § 140, 22 December 2008).

90. Другие важные принципы, определенные Судом в его практике в связи со статьей 3 Конвенции в отношении медицинской помощи в заключении обобщены в деле *Ukhan v. Ukraine* (no. 30628/02, §§ 73-74, 18 December 2008).

91. Возвращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что, находясь в заключении, заявитель страдал двумя различными заболеваниями – туберкулезом и деформацией левого бедра. Для того чтобы установить, получал ли заявитель необходимую медицинскую помощь, находясь в заключении, необходимо определить, обеспечили ли государственные органы достаточный медицинский контроль для своевременной диагностики и лечения его заболеваний (см. *Popov v. Russia*, no. 26853/04, § 211, 13 July 2006, и *Mechenkov v. Russia*, no. 35421/05, § 102, 7 February 2008).

92. У заявителя был впервые диагностирован туберкулез в августе 2002 года, через год после его перевода в СИЗО № 13. Действительно, как только заявителю был поставлен диагноз, он был помещен в санчасть СИЗО и получал определенную медицинскую помощь, в том числе консультации специалистов из гражданской больницы. Хотя сам факт, что задержанный был осмотрен врачом, и ему было предписано определенное лечение, не может автоматически означать, что медицинская помощь была адекватной (см. *Hummatov v. Azerbaijan*, *Hummatov v. Azerbaijan*, nos. 9852/03 and 13413/04, § 116, 29 November 2007), Суд повторяет, что он не в состоянии решить, соответствовали ли выбранные методы лечения потребностям заявителя (см. *Ukhan v. Ukraine*, cited above, § 76, and *Okhrimenko v. Ukraine*, no. 53896/07, § 71, 15 October 2009).

93. Что касается заявления Правительства о том, что заявитель отказывался от лечения и обследований, Суд не может установить на основе имеющихся данных, происходило ли это на самом деле. Ни один такой отказ не был подписан заявителем, а причины признанного им отказа от лечения в сентябре и октябре 2002 года (а именно, использование просроченных лекарств) не были прокомментированы Правительством.

94. Суд, однако, отмечает, что, по мнению заявителя, он заразился туберкулезом в начале 2002 года. Суд подчеркивает, что Правительство не предоставило никаких медицинских документов, охватывающих период между поступлением заявителя в СИЗО в августе 2001 года и датой, когда у заявителя был диагностирован туберкулез в августе

2002 года, в том числе данных медицинского осмотра по прибытии заявителя в СИЗО. Кроме того, многие копии медицинских документов, предоставленные Правительством, низкого качества и частично нечитаемые.

95. В связи с этим, Суд повторяет, что при разбирательствах в рамках Конвенции, таких, как настоящее разбирательство, не всегда можно строго применять принцип *affirmanti incumbit probatio* (тот, кто утверждает что-то, должен доказать это утверждение), поскольку в некоторых случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть жалобу. Отказ Правительства предоставить такую информацию без удовлетворительного объяснения может привести к выводам об обоснованности утверждений заявителя (см. *Ahmet Özkan and Others v. Turkey*, по. 21689/93, § 426, 6 April 2004).

96. Учитывая выводы ЕКПП о значительных задержках при обследовании на туберкулез в пенитенциарных учреждениях (см. пункт 71 выше), утверждения заявителя о том, что его здоровье начало ухудшаться в марте 2002 года, и отказ Правительства предоставить медицинские документы, охватывающие начальный период содержания заявителя под стражей, Суд сомневается в отношении предоставления адекватной медицинской помощи заявителю до августа 2002 года.

97. Что касается заболевания заявителя, связанного с последствиями множественных переломов его левого бедра, Суд отмечает, что в 2002-2004 годах было дано несколько медицинских заключений, гласящих, что заявителю необходима операция и специальное лечение. Только один раз, в ноябре 2002 года, был сделан противоположный вывод (см. пункт 44), но за ним последовали заключения экспертов в октябре 2003 года и апреле 2004 года о том, что заявитель требует хирургического вмешательства и/или специализированного стационарного лечения (см. пункты 47 и 55). Позднее, в июле 2004 года, был сделан вывод, что операция якобы невозможна, пока заявитель не будет излечен от туберкулеза. Суд отмечает, однако, что, несмотря на многочисленные медицинские рекомендации, такая операция не была проведена на начальном этапе содержания заявителя под стражей, и из имеющихся материалов не следует, что заявитель когда-либо получал какую-либо конкретную медицинскую помощь в связи с его травмой бедра до 2006 года, хотя деформированная металлическая пластина в ноге причиняла ему боль и значительные трудности при ходьбе, что усугубляло его общее состояние здоровья.

98. Рассматривая ситуацию заявителя в целом, Суд считает, что в данном случае имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с отсутствием надлежащей медицинской помощи.

2. Статья 13 Конвенции

99. Правительство повторило свои замечания по вопросу о приемлемости жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции и заявило, что заявитель имел эффективные средства правовой защиты, которые он не исчерпал.

100. Заявитель не согласился.

101. Ссылаясь на вышеуказанные заключения по вопросу о приемлемости жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективных и доступных

средств правовой защиты в рамках внутреннего законодательства в связи с жалобой заявителя в отношении обращения с ним в заключении.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 §§ 1 И 3 КОНВЕНЦИИ

102. Заявитель жаловался, что его задержание было необоснованно длительным. Кроме того, его содержание под стражей в течение определенного периода, а именно, с 29 ноября 2001 года по 30 октября 2002 года, с 1 ноября 2002 года по 19 июня 2003 года и с 19 по 24 мая 2004 года, не было законным, так как оно не было должным образом санкционировано.

103. Он сослался на статью 5 §§ 1 и 3 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. Приемлемость

104. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что они не являются неприемлемыми и по другим основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо дела

1. *Статья 5 § 1 Конвенции*

105. Правительство указало, что до 3 апреля 2003 решение национального суда не было необходимо для определения срока содержания под стражей, в течение которого лицу должен быть предоставлен доступ к материалам дела. Таким образом, содержание заявителя под стражей в период с 29 ноября 2001 года по 30 октября 2002 года, когда он изучал материалы дела, соответствовало национальному законодательству и не нарушило требования статьи 5 § 1 Конвенции.

106. Кроме того, Правительство отметило, что содержание заявителя под стражей в период с 1 ноября 2002 года по 19 июня 2003 также соответствовало национальному законодательству.

107. Что касается законности содержания заявителя под стражей в период с 19 по 24 мая 2004 года, Правительство отметило, что 11 мая 2004 года следователь обратился в Верховный Суд с представлением о продлении срока содержания заявителя под стражей до 19 июня 2004 года, поскольку он истек 19 мая 2004 года. Однако 19 мая 2004 года расследование по делу заявителя было завершено, и дело было передано в суд. С этого момента, в соответствии с национальным законодательством, решение о дальнейшем

содержании заявителя под стражей должен был принимать суд. 24 мая 2004 года Верховный Суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 19 июня 2004 года.

108. Таким образом, Правительство считает, что содержание заявителя под стражей в период с 29 ноября 2001 года по 30 октября 2002 года, с 1 ноября 2002 года по 19 июня 2003 года и с 19 по 24 мая 2004 года соответствовало национальному законодательству и было законным по смыслу статьи 5 § 1 Конвенции.

109. Заявитель не согласился и сослался на дела *Yeloyev v. Ukraine* (no. 17283/02, 6 November 2008) и *Doronin v. Ukraine* (no. 16505/02, 19 February 2009, где, при аналогичных обстоятельствах, Суд признал нарушение статьи 5 § 1 Конвенции.

110. Суд повторяет, что выражения «согласно закону» и «в порядке, установленном законом» в статье 5 § 1 по существу относятся к национальному законодательству и обязывают соблюдать материальные и процессуальные нормы этого законодательства. В то время как для национальные власти, в частности суды, должны толковать и применять внутреннее законодательство, Суд может рассматривать вопрос о соблюдении национального законодательства для целей данной статьи Конвенции (см., среди прочего, *Assanidze v. Georgia* [GC], no. 71503/01, § 171, ECHR 2004-II).

111. Однако, «законность» содержания под стражей в соответствии с внутренним законодательством является основным, но не всегда решающим элементом. Суд должен, кроме того, убедиться, что содержание под стражей в течение рассматриваемого периода было совместимо с целью статьи 5 § 1 Конвенции, которая заключается в предотвращении произвольного лишения свободы. Кроме того, Суд должен удостовериться в том, что национальное законодательство соответствует положениям Конвенции, в том числе общим принципам, выраженным или подразумеваемым в ней (см. *Winterwerp v. the Netherlands*, 24 October 1979, § 45, Series A no. 33).

(а) Периоды с 29 ноября 2001 года по 30 октября 2002 года и с 1 ноября 2002 года по 19 июня 2003 года

112. Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей в течение вышеупомянутого периода не подпадает под какие-либо решения. В частности, по украинским законам, действовавшим на тот момент, периоды, когда заявителю был предоставлен доступ к материалам дела (в период с 29 ноября 2001 года по 30 октября 2002), а также когда его дело было передано в суд для судебного разбирательства и до его возвращения в прокуратуру (в период с 1 ноября 2002 года по 19 июня 2003), не были включены в установленный законом срок содержания под стражей. Суд ранее устанавливал нарушение в аналогичных делах против Украины (см. *Yeloyev v. Ukraine*, упомянутое выше, §§ 48-51, и *Doronin v. Ukraine*, упомянутое выше, § 58). Суд не видит никаких причин отходить от своих выводов в данном случае. Соответственно, имело место также нарушение статьи 5 § 1 в связи с этими периодами содержания заявителя под стражей.

(b) Период с 19 по 24 мая 2004 года

113. Суд далее отмечает, что 18 мая 2004 года Верховный суд Украины отклонил представление о продлении срока содержания заявителя под стражей. Этот срок истек на следующий день, но заявитель оставался под стражей. После отмены решения от 18 мая

2004 года, предварительное заключение заявителя продлено 24 мая 2004 года. Таким образом, в период с 19 по 24 мая 2004 года не существовало официального решения, санкционирующего содержание заявителя под стражей. Даже если предположить, что внутреннее законодательство не требовало наличия такого решения, поскольку, по утверждению Правительства, следственные органы передали дело заявителя в суд 19 мая 2004 года для рассмотрения по существу, Суд отмечает, ссылаясь свои выводы, приведенные выше, что содержание заявителя под стражей в период с 19 по 24 мая 2004 года не соответствовало статье 5 § 1 Конвенции.

114. Таким образом, в данном случае имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции.

2. Статьи 5 § 3 Конвенции

(а) Заявления сторон

115. Правительство утверждало, что досудебное содержание под стражей заявителя длилось с 9 июня 2001 года по 3 декабря 2004 года, и, следовательно, «срок содержания заявителя под стражей, который следует принимать во внимание в данном случае, составил почти два года и шесть месяцев» и не может считаться необоснованным. Кроме того, Правительство заявило, что дело заявителя было достаточно сложным и требовало расследования двенадцати различных преступлений, совершенных заявителем совместно с четырьмя другими лицами. При продлении предварительного заключения заявителя, национальные власти приняли во внимание тяжесть преступления, личность заявителя, риск его побега и препятствования расследованию, так как заявитель уже был ранее осужден за совершение тяжких преступлений. Таким образом, Правительство заявило, что требование «разумного срока» в рамках статьи 5 § 3 Конвенции в данном случае не было нарушено.

116. Заявитель утверждал, что он оставался в предварительном заключении более трех лет, и что, соответственно, имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции.

(б) Общие принципы

117. Суд повторяет, что обоснованное подозрение, что задержанный совершил преступление, является непременным условием законности содержания под стражей. Однако по истечении определенного времени, этого становится недостаточно. В таких случаях Суд должен установить, были ли другие основания, приведенные судебными органами, оправданием для дальнейшего лишения свободы. Если такие основания были «соответствующими» и «достаточными», Суд должен также удостовериться, проявили ли уполномоченные национальные органы «должное старание» при проведении разбирательства (см. *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, §§ 152-153, ECHR 2000-IV).

118. Необходимо, чтобы национальные власти установили наличие конкретных фактов, являющихся основанием для дальнейшего содержания под стражей. Перекалывание бремени доказывания на задержанного в таких вопросах равносильно нарушению статьи 5 Конвенции, положения, которое определяет задержание как исключительное ограничение права на свободу, которое допускается только в исчерпывающе перечисленных и строго определенных случаях (см. *Rokhlina v. Russia*,

по. 54071/00, § 67, 7 April 2005, и *Ilijkov v. Bulgaria*, no. 33977/96, §§ 84-85, 26 July 2001). Национальные судебные органы обязаны рассмотреть все факты за и против необходимости соблюдения общественных интересов, которое оправдывает, с должным учетом презумпции невиновности, исключения из правила об уважении личной свободы, и должны изложить их в своем решении об отклонении ходатайства об освобождении. В задачи Суда не входит установление таких фактов вместо национальных органов, вынесших решение о содержании заявителя под стражей. Суд должен решить, на основании причин, указанных в решениях национальных судов, и фактов, приведенных заявителем в его жалобе, имело ли место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции (см. *Korchuganova v. Russia*, no. 75039/01, § 72, 8 June 2006; *Ilijkov*, упомянутое выше, § 86; и *Labita*, упомянутое выше, § 152).

(c) Период, подлежащий рассмотрению

119. Суд отмечает, что рассматриваемый период начался 5 или 6 июня 2001 года, когда заявитель был арестован, и закончился 3 декабря 2004 года, когда он был осужден Апелляционным судом (см. *B. v. Austria*, 28 March 1990, § 39, Series A no. 175). Досудебное содержание заявителя под стражей, таким образом, продолжалось около трех с половиной лет. Срок содержания заявителя под стражей не был коротким в абсолютном выражении (см. и ср. *Ilowiecki v. Poland*, no. 27504/95, § 52, 4 October 2001).

120. Суд повторяет, что вопрос о разумности срока содержания под стражей не может оцениваться абстрактно. Вопрос, разумно ли оставлять обвиняемого под стражей, должен решаться в каждом конкретном случае с учетом его особенностей. Продолжительное содержание под стражей может быть оправдано только тогда, когда есть конкретные признаки необходимости соблюдения общественных интересов, которые, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивают принцип уважения свободы личности, изложенный в статье 5 Конвенции (см., среди прочего, *Kudła v. Poland* [GC], no. 30210/96, §§ 110-111, ECHR 2000-X).

(d) Анализ Суда

121. Суд отмечает, что все решения властей о содержании заявителя под стражей ограничивались простым перечислением оснований для такого содержания под стражей без каких-либо дополнительных разъяснений. Основания, на которые ссылались власти, значительно различались, и, в отсутствие каких-либо дополнительных разъяснений, невозможно сказать, были ли они достаточными.

122. Позже, в своих решениях от 18 декабря 2003 года и 16 марта 2004 года, а именно, через два года и шесть месяцев, и два года и девять месяцев после ареста заявителя, Верховный Суд ссылался только на тяжесть обвинений, выдвинутых против заявителя, чтобы оправдать его дальнейшее содержание под стражей. Однако Суд неоднократно признавал, что тяжесть обвинения не может само по себе служить оправданием длительного содержания под стражей (*Olstowski v. Poland*, no. 34052/96, § 78, 15 November 2001, и *Ilijkov v. Bulgaria*, упомянутое выше, § 81).

123. Суд также отмечает, что суды не рассмотрели ходатайство адвоката заявителя об освобождении заявителя по медицинским показаниям, и ни на каком этапе национальные власти не рассматривали никакие альтернативные меры пресечения помимо содержания под стражей.

124. Суд, наконец, отмечает, что длительное досудебное содержание под стражей без каких-либо веских причин, когда национальные власти просто ссылались на тяжесть обвинений, уже признавалось несовместимым с требованиями статьи 5 § 3 Конвенции в ряде дел против Украины (см., *Shalimov v. Ukraine*, no. 20808/02, 4 March 2010, и *Feldman v. Ukraine*, nos. 76556/01 and 38779/04, 8 April 2010).

125. Следовательно, в данном случае имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ОТМЕНОЙ РЕШЕНИЯ О СОДЕРЖАНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ

126. Заявитель жаловался, в рамках статьи 6 § 1 Конвенции, что исключительный пересмотр, в рамках которого прокурор опротестовал решение Верховного Суда от 18 мая 2004 года не продлевать срок содержания заявителя под стражей, противоречил принципу правовой определенности, так как против этого решения не могла быть подана апелляция. В этой связи, заявитель также подчеркнул, что представления прокуратуры в рамках исключительного пересмотра не были доведены до его сведения или сведения его адвоката, и что им не было разрешено присутствовать на сессии Верховного Суда, в ходе которой состоялся исключительный пересмотр, инициированный прокурором. Он также жаловался, что исключительный пересмотр в Верховном Суде решения от 18 мая 2004 года показал отсутствие беспристрастности.

127. Суд отмечает, что в своем решении от 21 мая 2004 года Верховный Суд Украины отменил свое предыдущее решение, в котором он отказался продлить содержание заявителя под стражей. Суд считает, что это решение было принято в рамках разбирательства, в котором рассматривалась законность содержания заявителя под стражей. Таким образом, эта жалоба должна рассматриваться в рамках статьи 5 § 1 Конвенции.

128. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

129. Вопрос об отмене решения от 19 мая 2004 года может повлиять на законность продления содержания заявителя под стражей с этой даты, поскольку оно устранило любые возможные правовые основания для задержания с 19 по 24 мая 2004 года.

130. Однако, так как Суд уже установил, что оснований для содержания под стражей в течение этого периода не было (см. пункты 115-116), Суд считает, что нет необходимости рассматривать вопрос, имели ли место отдельные, или дальнейшие нарушения статьи 5 § 1 в связи с отменой, в рамках исключительного пересмотра, решения содержания заявителя под стражей.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 6 § 1 И 13 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

131. Заявитель также жаловался, что длительность уголовного разбирательства против него превысила разумные сроки по смыслу статьи 6 § 1 Конвенции, и что в отношении этой жалобы у него не было эффективных средств правовой защиты, как того требует статья 13 Конвенции.

132. Статья 6 § 1 Конвенции, в частности, гласит:

«Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на... разбирательство дела в разумный срок... судом»

А. Приемлемость

133. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

134. По мнению Правительства, продолжительность уголовного разбирательства по делу заявителя, которая составила менее четырех лет, не может считаться необоснованной по смыслу статьи 6 § 1 Конвенции.

135. Правительство указало, что дело заявителя было сложным, включающим двенадцать различных преступлений, требующих расследования, в том числе проведения многочисленных судебно-медицинских экспертиз. В этом деле фигурировали четыре обвиняемых и десять пострадавших. Было допрошено более сорока свидетелей. Правительство также подчеркнуло, что длительность судебного разбирательства также была обусловлена тем, что заявитель не признался в преступлениях. По мнению Правительства, от суда требовалась особая осмотрительность при установлении истины, и это оправдывает длительность судебного разбирательства.

136. Правительство утверждало, что многие задержки в работе нельзя связывать с государством. В частности, некоторые задержки были вызваны изучением дела заявителем. В двух случаях судебные слушания откладывались по причине неявки свидетелей и потерпевших, и пять раз адвокаты обвиняемых не являлись на судебные слушания. В частности, 11 октября 2004 года суд отстранил одного из адвокатов заявителя от дела за «ненадлежащее поведение».

137. Поэтому, по мнению Правительства, длительность судебного разбирательства по данному делу была разумной, а некоторые задержки были вызваны сложностью дела и поведением сторон.

138. Заявитель считал, что четыре года не являются разумным сроком в абсолютном выражении. Его дело не было сложным, и почти половина общей продолжительности производства была обусловлена передачей дела на дополнительное расследование 9 декабря 2002 года. Кроме того, он изучал восемь томов уголовного дела одиннадцать

месяцев, поскольку материалы дела были очень плохо оформлены, и новый следователь также изучал материалы дела в то же время.

139. Суд отмечает, что соответствующий период начался 5 или 6 июня 2001 года и продолжался до 24 мая 2005 года, то есть в общей сложности три года и одиннадцать месяцев.

140. Суд повторяет, что разумность длительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете обстоятельств дела и с учетом следующих критериев: сложность дела, поведение заявителя и соответствующих государственных органов (см., среди прочего, *Pélissier and Sassi v. France* [GC], no. 25444/94, § 67, ECHR 1999-II). Также следует учитывать интерес заявителя в деле. В связи с этим, Суд отмечает, что заявитель содержался под стражей с июня 2001 года по 3 декабря 2004 года, и этот факт требовал особого старания от государственных органов и судов, рассматривающих дело, с точки зрения оперативности судебного разбирательства (см. *Abdoella v. the Netherlands*, 25 November 1992, § 24, Series A no. 248-A).

141. Однако Суд отмечает, что дело заявителя было сложным. Оно включало пять обвиняемых и касалось восьми различных эпизодов грабежей, убийств и покушений на убийства, а также ряда других преступлений, совершенных в период между 1998 и 2001 годами. Разбирательство состоялось в трех инстанциях, включая предварительное следствие. В отсутствие каких-либо значительных периодов бездействия со стороны органов государственной власти, Суд считает, что длительность судебного разбирательства по делу заявителя не может считаться необоснованной. Следовательно, не было нарушения статьи 6 § 1 и 13 Конвенции в отношении длительности судебного разбирательства по уголовному делу заявителя.

V. ДРУГИЕ ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

142. Наконец, заявитель предъявил множество других жалоб в соответствии со статьями 2, 3, 6, 13 и 14 Конвенции, а также статьей 2 Протокола № 7.

143. Суд рассмотрел эти жалобы и постановил, в свете всех имеющихся в его распоряжении материалов и в той мере, в какой эти вопросы находятся в пределах его компетенции, что он не наблюдает каких-либо признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней.

144. Следовательно, эта часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

145. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд решает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

146. Заявитель потребовал выплатить ему 50000 евро в качестве компенсации нематериального ущерба.

147. Правительство утверждало, что права заявителя не были нарушены, поэтому требования заявителя должны быть отклонены.

148. Суд присуждает выплатить заявителю 8000 евро в качестве компенсации нематериального ущерба.

В. Расходы и издержки

149. Заявитель также потребовал выплатить ему 4079 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в национальных судах и в Суде.

150. Правительство указало, что некоторые из заявленных расходов не были понесены в целях предотвращения или возмещения предполагаемых нарушений Конвенции (в частности, расходы на представление заявителя в уголовном судопроизводстве). Кроме того, Правительство заявило, что некоторые из заявленных расходов не были подтверждены никакими документами или счетами, и, что, поскольку заявителю была предоставлена правовая помощь, его претензии относительно издержек и расходов должны быть отклонены.

151. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявитель имеет право на возмещение издержек и расходов только в той степени, в какой доказано, что они фактически были понесены, были обязательными и разумными. Принимая во внимание вышеупомянутые критерии и имеющиеся в его распоряжении документы, Суд не присуждает компенсации расходов и издержек.

С. Пеня

152. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Объявляет жалобы по статье 3 (адекватность медицинской помощи в заключении), статье 5 §§ 1 и 3, статье 6 § 1 (длительность судебного разбирательства), статье 13 (отсутствие эффективных средств правовой защиты в отношении заявленной

неадекватности медицинской помощи в заключении и длительности судебного разбирательства) Конвенции приемлемыми, а остальную часть заявления неприемлемой;

2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с неадекватной медицинской помощью в заключении;

3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции;

4. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать вопрос, имели ли место отдельные, или дальнейшие нарушения статьи 5 § 1 в связи с отменой, в рамках исключительного пересмотра, решения содержания заявителя под стражей;

5. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции;

6. *Постановляет*, что не было нарушения статьи 6 § 1 Конвенции в связи с длительностью судебного разбирательства;

7. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты в отношении неадекватности медицинской помощи;

8. *Постановляет*, что не было нарушения статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты в отношении длительности судебного разбирательства;

9. *Постановляет*:

(а) государство-ответчик должно выплатить заявителю, в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, 8000 (восемь тысяч) евро в качестве компенсации нематериального ущерба, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму, в переводе на украинские гривны по курсу, действующему на день выплаты;

(b) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период, плюс три процентных пункта;

10. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителя относительно компенсации.

Составлено на английском языке и зарегистрировано в письменном виде 21 октября 2010 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудия Вестердийк
Секретарь

Пеер Лоренсен
Председатель

¹ На тот момент около 2411 евро